

АУТЕНТИЧНЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ КАК ИСТОЧНИК СВЕДЕНИЙ ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ

Зайцева И. П., Соловьёва И. А.
Витебск, Республика Беларусь,
ВГУ имени П.М. Машерова

Аннотация. В статье показаны возможности, которые открываются перед преподавателем иностранного языка привлечение в качестве материала для работы на занятиях аутентичных текстов – фрагментов оригинальных (англоязычных) словесно-художественных произведений, в частности – романа «Red and Green» (рус. «Алое и зелёное») известной британской писательницы Jean Iris Murdoch (рус. Айрис Мёрдок). Авторы иллюстрируют высказанные положения иллюстрациями из данного романа, которые проанализированы в лингвостилистическом и / или лингвокультурологическом ключе.

Ключевые слова: «Red and Green», Jean Iris Murdoch, аутентичный текст, идентичность этническая, идентичность культурная, социокультурный контекст, компетенции (языковая, лингвострановедческая, социокультурная и др.).

AUTHENTIC LITERARY TEXT AS A SOURCE OF INFORMATION ABOUT ETHNIC AND CULTURAL IDENTITY OF A PERSON

Zaitseva I.P., Solovyova I.A.
Vitebsk, Republic of Belarus,
Vitebsk State University named after P.M. Masherov

Summary. The article shows the possibilities that are open to a foreign language teacher to use authentic texts - fragments of original (English-language) word-fiction works, in particular, the novel 'Red and Green' by the famous British writer Jean Iris Murdoch. The authors illustrate their points with illustrations from this novel, which are analysed linguistically and/or linguoculturalistically.

Key words: Keywords: "Red and Green", Jean Iris Murdoch, authentic text, ethnic identity, cultural identity, sociocultural context, competences (linguistic, linguocultural, sociocultural, etc.).

Введение. Одной из ключевых категорий современного языкознания и междисциплинарных областей с выраженным лингвистическим компонентом является понятие «языковая личность», которое особенно активно стало разрабатываться на рубеже XX – XXI веков вслед за Ю. Н. Карауловым, посвятившим этой проблеме ряд исследований. Безусловно, в каждой конкретной научной области эта категория осмысливается с акцентами на различных аспектах, однако в принципе её

структура, как и ряд основных проявлений, остаются достаточно устойчивыми.

Характерными проявлениями языковой личности в осуществляемых ею коммуникативных процессах оказываются идентичность *этническая* и *культурная* идентичность и самым тесным образом взаимосвязанная с ними идентичность *языковая*. Осмысление и систематизация средств и способов вербального воплощения разных типов личностной идентичности в текстах различной функционально-стилистической принадлежности в настоящее время представляет одну из **актуальных** проблем как языкознания, так и «стыковых» с лингвистикой наук прежде всего – психолингвистики, теории межкультурной коммуникации и т. п.).

Цель настоящей публикации – выявление и интерпретация системы средств и способов, которые привлекаются автором оригинального (англоязычного) литературного произведения для воплощения своеобразия идентичности персонажей, а также определение методического потенциала этого материала при овладении английским языком студентами-филологами.

Материал и методы. Материалом в данном случае послужили фрагменты романа известной британской писательницы второй половины XX века **Jean Iris Murdoch** (рус. Айрис Мёрдок) – «**Red and Green**» (рус. «Алое и зелёное») [10]. Этот роман выбран по причине того, что данное произведение посвящено довольно значимым в истории Великобритании общественно-политическим событиям, в которых персонажи романа довольно часто вынуждены были принимать решения о своей отнесённости к той или иной общественной группе, организации и т. п., что непосредственно связано с необходимостью идентификации и \ или самоидентификации личности.

При проведении исследования использовались как *общенаучные* методы: наблюдения, систематизации и сопоставления, так и *специальные филологические* методы: лингвостилистического и контекстуального анализа; толкования словарных дефицитов; интерпретационный метод и метод дискурсивного анализа.

Результаты и их обсуждение. Термин «идентичность», входящий в терминологический фонд многих современных научных направлений, не имеет в исследовательской литературе однозначного толкования и обычно определяется с акцентом на аспекте (аспектах), наиболее значимых для той или иной науки, причём и в этих случаях нередко употребляется в нескольких значениях.

Это отражено при толковании понятия «идентичность» в разного рода справочных источниках – ср., например: «**Идентичность** (Идентификация). Психологическое соотнесение индивида с социальной группой или этносоциальной общностью, с которой он разделяет

определённые нормы, ценности, групповые установки, а также то, как воспринимают человека окружающие, с какой из групп его соотносят. Положительная или отрицательная групповая идентичность проявляется в признании или непризнании индивида членом «своей» группы. В зависимости от параметров, на основании которых происходит идентификация индивида с разными группами, выделяют различные виды идентичности: **биологическая, этническая, социальная, сословная (классовая)** и т. п. ...

Человек, как правило, идентифицирует себя с несколькими группами и общностями, причём такие идентификации могут со временем меняться в силу изменившихся жизненных условиях, предпочтений (выделено нами. – И. З., И. С.) [6, с. 72].

На неоднозначность трактовки понятия «идентичность» указывает и известный исследователь проблем межкультурной коммуникации О. А. Леонтович, ориентируясь при этом прежде всего на работу [Martin J. N., Nakayama T K.]. По её мнению, можно выделить как минимум три подхода к определению этого феномена: **социопсихологический** (идентичность создаётся отчасти как собственное «Я», отчасти – в зависимости от групповой принадлежности, в связи с чем представляет собой «многоликое» понятие); **коммуникативный** (более динамичный по сравнению с первым: идентичность возникает на основе собственного «Я» и в процессе обмена коммуникации с другими индивидами) и **критический** (когда идентичность, представляющая собой динамическую сущность, приписывается индивидууму ещё до рождения) [3, с. 145].

В процессе коммуникативного взаимодействия, в особенности межкультурного, чрезвычайно важную роль играет свойственная личности **культурная** идентичность, которая выражается в признании культурной специфики и национальной самобытности коммуникантов и «определяется посредством языка, лексикона, дискурсных моделей» [1, с. 125], а также идентичность **этническая** – «этническое осознание, восприятие себя как члена определённой этнической общности, с эмоциональными, ценностными значениями, приписываемыми этому членству; осознание тождества с одной этнической группой (через общие этносоциальные представления, убеждения, верования, модели поведения, формируемые в процессе социализации) и отделение от других этнических групп» [1, с. 127]. **Языковая** идентичность, т. е. осознание своей принадлежности к носителям определённого языка, входит в культурную идентичность в качестве одного из компонентов, и является особо значимым фактором для процесса речевой коммуникации.

При коммуникативно-речевом взаимодействии с другими членами социума, в особенности социума, объединяющего представителей различных культур, любая личность практически всегда в той или иной

мере демонстрирует собственную культурную и / или этническую идентичность, что, как правило, находит отражение в идентичности **языковой**, которую, как представляется, точнее обозначить как **лингвокультурная** идентичность. Такого рода идентичность воплощается в речевом «оформлении» коммуникативно-речевого процесса, причём не только в выборе собственно языка коммуникации, но и в характере использования образных средств, в интертекстуальных отсылках (к примеру, в предпочтении прецедентных феноменов (имён, текстов и т. п.), значимых именно для конкретной лингвокультуры) и т. д.

Принимая за основу положение о том, что человек и, соответственно, языковая личность, в большинстве случаев проявляет себя в идентификации *с несколькими*, различными по своему характеру, *группами*, очевидно, что рассматриваемое в данном случае понятие – идентичность – является по своей сути **комплексным**, составляющие которого находятся в отношениях не только *взаимодействия*, но и *взаимовлияния*, что необходимо учитывать при установлении речевых средств и способов, при помощи которых это свойство личности воплощается в текстах различной функционально-стилистической принадлежности.

Особого внимания в обозначенном исследовательском аспекте заслуживают словесно-художественные произведения, где присущие личности свойства осмысливаются в *образном* ключе, причём нередко – с *образноценностных* позиций. Это позволяет дополнить, иногда – весьма существенно, собственно научное представление об осмысливаемых категориях рядом характеристик, которые оказываются значимыми для более детального и глубокого постижения такого рода понятий.

К числу литературно-художественных произведений, которые заслуживают безусловного исследовательского внимания в обозначенном аспекте, принадлежит роман классика британской литературы – писательницы Jean Iris Murdoch (Айрис Мёрдок) – «Red and Green» («Алое и зелёное»). Этот роман посвящён событиям, которые произошли в жизни нескольких ирландских семей в период Пасхального восстания в Ирландии 1916 года. Контраст, который, как можно предположить, так или иначе будет присутствовать при изображении описываемых событий, заложен уже в названии романа, которое принадлежит к бесспорно «сильным» для восприятия позициям. *Красный* (алый) цвет уже более нескольких веков является одним из символов Англии, принятым ещё солдатами на приграничных территориях в XVI веке, чтобы отличаться от шотландцев [11]. *Зелёный* цвет является одним из наиболее известных символов Ирландии – ср.: «Зелёный является также эмблематическим цветом Ирландии, «Изумрудного острова», – эпитет, тонко связанный с кельтской традицией, в соответствии с которой добродетельные души отправлялись в путешествие на зелёный Остров

блаженных (Tir nan Og)» [7, с. 108]. Этот цвет – один из цветов ирландского национального флага; помимо этого, он символизирует основную из конфессий Ирландии – католическую веру.

Знакомство с содержанием произведения уже в начальной его части свидетельствует, что неоднозначность, а нередко и явный антагонизм достаточно часто проявляются во взаимоотношениях выведенных в романе персонажей. Так, для главного героя – **Эндрю** – весьма принципиальным является вопрос *национального самоопределения* (это не в последнюю очередь связано с тем, что персонаж, как и сама писательница, – выходец из англо-ирландской семьи).

О собственной *этнической* идентичности Эндрю задумывается достаточно часто, пытаясь понять и объяснить прежде всего самому себе связанные с этим ощущения и поступки. Вот как, к примеру, это воплощено в одном из начальных фрагментов романа, лишь знакомящих читателя с этим персонажем:

«Andrew's family were Anglo-Irish, but he had never lived in Ireland, although he had spent most of his childhood holidays there. He had in fact, by what he regarded as a somewhat tiresome accident, been born in Canada, where his father, who had been in the insurance business, had once spent two years. Andrew had grown up in England and more especially in London, and felt himself unreflectively to be English, although equally unreflectively he normally announced himself as Irish. Calling himself Irish was more of an act than a description, an assumption of a crest or picturesque cockade. Ireland remained for him a mystery, an unsolved problem: and a problem which was in some obscure way disagreeable. There was of course the religious question. A far from devout and, in England, an uncontentious, uninterested, almost entirely non-practising Anglican, he felt, on arrival in Ireland, his Protestant hackles rise. There was an aggressive tingling, and something deeper which was unnervingly like fear. Today was Palm Sunday and Andrew, together with his mother and his fiancée, Frances Bellman, had attended matins at the Mariners' Church in Kingstown. On emerging from the church they had found the streets filled with those others who, streaming in far greater numbers out of their chapels, were now parading about, more slowly, more confidently, carrying palms in their hands. For them it seemed, and for their sins Christ was even now entering Jerusalem, and their demeanour exhibited already a satisfaction, even a possessiveness, which made the congregation of the Mariners' Church, trotting more soberly homeward with averted eyes, feel unreal and perfunctory, unconnected with the great events to honour which these arrogant strollers were almost casually decked. Andrew's personal apprehension of this difference, this contrast with something gaudier, more vital and more primitive, was heightened by the fact that a number of his Irish relations had, to the extreme almost incredulous

horror of his mother, become Roman Catholic converts» (выделено нами. – И. З., И. С.) [Здесь и далее текст цитируется по изданию, указанному в списке использованных источников: 10, р. 4-5].

При описании жизненного пути Эндрю в авторском повествовании упоминается ряд географических названий: *Ireland (Ирландия), Canada (Канада), England (Англия)*, которые отсылают читателя к разным территориям единого, на первый взгляд, государства, части которого, однако, очевидно не тождественны друг другу в религиозном, культурном и ином отношении. Их употребление способствует воплощению в произведении смешанных чувств персонажа в плане определения своей исторической родины. Не меньшее значение имеет и введение в текст названий религиозных конфессий (религиозный вопрос на протяжении многих лет был одним из ключевых в противостоянии Англии и Ирландии, так как со времен Реформации борьба ирландского народа против английского господства велась под знаменем католицизма: *Anglican (англиканство), Protestant (протестантизм), Roman Catholic (римская католическая церковь)* – названий церквей и обрядов (*the Mariners' Church, Palm Sunday*). Из повествования мы узнаём, что Эндрю воспитывался преимущественно в *англиканских* традициях, однако во время поездок в Ирландию у него была возможность наблюдать за *католическими* обрядами, которые не только находили отклик в его душе, но и даже заставляли его, обычно равнодушного к церкви, вставать на защиту протестантизма (одной из англиканских конфессиональных ветвей).

Таким образом, собственные имена – топонимы и обозначения, принадлежащие к конфессиональной сфере, становятся *маркерами религиозно-культурных отличий* Эндрю от других персонажей. Эти сведения имеют композиционно-речевую форму присутствуют в авторской речи, однако, без сомнения, принадлежат именно Эндрю: в данном случае мы наблюдаем такую композиционно-речевую структуру прозаического произведения, как *несобственно-прямая* речь. Это подтверждается явной оценочностью повествования, в котором воплощено безусловно субъективное восприятие Эндрю окружающего: *“For them it seemed, and for their sins Christ was even now entering Jerusalem, and their demeanour exhibited already a satisfaction, even a possessiveness, which made the congregation of the Mariners' Church, trotting more soberly homeward with averted eyes, feel unreal and perfunctory, unconnected with the great events to honour which these arrogant strollers were almost casually decked. Andrew's personal apprehension of this difference, this contrast with something gaudier, more vital and more primitive, was heightened by the fact that a number of his Irish relations had, to the extreme almost incredulous horror of his mother, become Roman Catholic converts”* (рус. Казалось, для них и за их грехи Христос сейчас входил в Иерусалим, и в их поведении уже проступало

удовлетворение, даже собственничество, отчего прихожане церкви моряков, более трезво рыскавшие по домам с отведёнными глазами, чувствовали себя нереальными и бессодержательными, неприсяжными к великим событиям, в честь которых эти надменные гуляки были почти небрежно одеты. Личное ощущение Эндрю этой разницы, этого контраста с чем-то более ярким, более жизненным и более примитивным, усиливалось судя по числу его ирландских родственников, к крайнему, почти невероятному ужасу его матери, перешедших в римско-католическую веру (построчный перевод выполнен авторами. – И. З., И. С.) [10, с. 5].

Как можно убедиться, основными средствами придания изложению *оценочности* и *образности* являются различные *имена прилагательные*, употреблённые в различных функциях. Эти прилагательные можно сгруппировать в зависимости от субъектов, которых они характеризуют.

Так, прихожане церкви моряков охарактеризованы как *feel unreal and perfunctory, unconnected with the great events* (рус. чувствовали себя нереальными и неинтересными, неприсяжными к значительным <религиозным> событиям). Эта характеристика дополняется выражением *trotting more soberly homeward with averted eyes* (рус. более трезво рыскавшие по домам с отведёнными глазами). Во всех употреблённых по отношению к прихожанам церкви моряков определениях присутствует *коннотативный* элемент, негативно характеризующий человека, подчёркивающий его несоответствие происходящим событиям, ненужность, даже никчёмность – именно такое впечатление производили эти люди на Эндрю. В данном случае можно, таким образом, констатировать, что оценочность присутствует в языковых значениях использованных признаков слов.

Прихожане римско-католической церкви воспринимаются Эндрю иначе: *these arrogant strollers were almost casually decked* (рус. эти надменные гуляки были почти небрежно одеты) – как весьма высокомерная группа людей, которая выказывает пренебрежение только не к окружающим, но даже к религии, которую они исповедуют. Помимо этого, весьма показательным является и предшествующее приведённой характеристике замечание: *their demeanour exhibited already a satisfaction, even a possessiveness* (рус. в их поведении уже проступало удовлетворение, даже собственничество). В характеристиках прихожан римско-католической церкви преимущественно использованы слова, в языковых значениях которых также содержится *оценочный коннотативный* компонент, указывающий, однако, совсем на иные, чем отмеченные ранее, свойства человека: его неуважение к людям в принципе и к представителям иной веры – в частности; явное стремление поставить себя выше многих из тех, с кем приходится сталкиваться, и т. п.

Психологизм А. Мёрдок отчётливо проявляется в характеристике отношения Эндрю к тому контрасту между религиями, который для него очевиден; для этого автор также активно использует оценочную лексику: *Andrew's personal apprehension of this difference, this contrast **with something gaudier, more vital and more primitive**, was heightened by the fact that a number of his Irish relations had, **to the extreme almost incredulous horror of his mother**, become Roman Catholic converts* (рус. Личное ощущение Эндрю этой разницы, этого контраста с чем-то более ярким, более жизненным и более примитивным, усиливалось судя по числу его ирландских родственников, к крайнему, почти невероятному ужасу его матери, перешедших в римско-католическую веру).

Ощущение противопоставленности, которая по наблюдениям и ощущениям Эндрю, чётко присутствует в группах приверженцев разных религий, передаётся писателем, во-первых, с помощью включения в описание его размышлений персонажа языковых средств оценочного характера – имён существительных и прилагательных, в том числе и в форме сравнительной степени: ***something gaudier, more vital, more primitive, incredulous horror*** (в последнем случае выражение обладает особой экспрессией в результате соединения **двух** коннотирующих единиц языка). Во-вторых, усилению контраста в сознании Эндрю способствует синтаксическая конструкция, в которую заключено высказывание: развёрнутое сложное предложение включает множество осложняющих компонентов, которые дополняют и конкретизируют заключённый в выражении смысл.

Надо заметить, что автор довольно часто изображает в романе характерное для Эндрю психологическое состояние – чувства, отличающиеся очевидной двойственностью, неоднозначностью которые он испытывает в различных ситуациях. Эта противоречивость в отношении персонажа ко многому наблюдаемому, переживаемому и т. п. во многих случаях находит выражение в *синтаксическом* оформлении повествования, в характере избираемых автором синтаксических конструкций. Прежде всего это сложные предложения с разными видами связи, части которых так или иначе противопоставлены друг другу – например: *"Andrew's family were Anglo-Irish, **but** he had never lived in Ireland, **although** he had spent most of his childhood holidays there"; '... and felt himself unreflectively to be English, **although** equally unreflectively he normally announced himself as Irish"* [10, с. 6].

При этом контрастность может выражаться как при помощи соответствующих союзов (*but* – противительный союз, используемый в сложносочинённом предложении; *although* – один из подчинительных союзов, обычно присоединяющий придаточное предложение со значением уступки), так и без них – ср., например, синтаксическую

конструкцию из приводимого ранее фрагмента произведения: “*A far from devout and, in England, an uncontentious, uninterested, almost entirely non-practising Anglican, he felt, on arrival in Ireland, his Protestant hackles rise*” (в данном случае контрастность выражение объединением в одном высказывании лексических единиц с морфемами, придающими лексической единице отрицательное значение (*un-, non-*), которые, будучи включёнными в одну конструкцию, априори противопоставляются словам, где такие морфемы отсутствуют).

Заключение. Несмотря на фрагментарность представленного в публикации анализа оригинального (англоязычного) текста романа Jean Iris Murdoch (рус. Айрис Мёрдок) «Red and Green» (рус. «Алое и зелёное»), с нашей точки зрения, можно констатировать, что данное произведение содержит весьма обширную информацию, выходящую за пределы собственно лингвистических средств, использованных для его создания. Это сведения об общественно-политической обстановке в Великобритании первых десятилетий XX века, а также о разнообразии существовавших тогда разного рода общественных институтов, в частности – религиозных конфессий, находящихся между собой в достаточно сложных отношениях. Этот социокультурный контекст, описание реалий общественной жизни, в которых пребывает Эндрю, а также различные *фоновые* сведения об этом персонаже, содержащиеся в авторском повествовании, безусловно, не только способствуют пониманию того, как литературный герой *идентифицирует* себя в качестве члена общества. Он также позволяет современному читателю «погрузиться» в социокультурный контекст изображаемой эпохи, что особенно важно для читателя инокультурного, у которого при восприятии произведения А. Мёрдок в оригинале возникает двойной «барьер»: *языковой (лингвокультурный)* и *социокультурный*, – которые ему для более-менее адекватного понимания содержащегося в романе смысла необходимо преодолеть.

Таким образом, при работе с аутентичным текстом создаётся возможность для формирования и / или совершенствования не только *языковой* компетенции, но также *социокультурной, лингвострановедческой, общегуманитарной* и некоторых других.

Формированию и совершенствованию перечисленных и иных компетенций при работе на занятиях по английскому языку со студентами-филологами, безусловно, будет способствовать разработанная система в русле решения задач, ставящихся преподавателем в зависимости от того, на какой именно компетенции (компетенциях) он сосредоточивает внимание на конкретном занятии. При этом фрагменты произведения А. Мёрдок «Алое и зелёное» могут быть использованы не только в качестве иллюстративного материала, но и как тексты, в которых студентам предлагается выявить и проанализировать речевые единицы,

оформляющие различные психологические и / или эмоциональные состояния персонажей, также такие свойства их личности, как этническая или культурная идентичность и т. п.

Использованные источники

1. Жукова, И. Н. Словарь терминов межкультурной коммуникации / И. Н. Жукова, М. Г. Лебедько, З. Г. Прошина, Н. Г. Юзефович; под ред. М. Г. Лебедько и З. Г. Прошина. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2013. – 632 с.
2. Горбачевич, К. С. Словарь эпитетов русского литературного языка / К. С. Горбачевич. – СПб. : «Норинт», 2002. – 224 с.
3. Леонтович, О. А. Введение в межкультурную коммуникацию / О. А. Леонтович. – М. : Гнозис, 2007. – 368 с.
4. Мёрдок, А. Алое и зелёное / А. Мердок. – М. : АСТ, 2004. – 348 с.
5. Полякова, Е. Ю. Ирландское восстание 1916 / Е. Ю. Полякова // Большая российская энциклопедия. – URL: https://old.bigenc.ru/world_history/text/2021419 (дата обращения: 12.05.2024).
6. Словарь социолингвистических терминов / отв. ред. В. Ю. Михальченко. М. : Институт языкознания РАН, 2006. – 312 с.
7. Тресиддер, Дж. Словарь символов / Дж. Тресиддер; пер. с англ. С. Палько. – М. : ФАИР-ПРЕСС, 1999. – 204 с.
8. Яблоков, И. Н. Религиоведение: Учебное пособие / И. Н. Яблоков. – М. : Гардарики, 2000. – 314 с.
9. Lingvo Live. – URL: <https://www.lingvolive.com/ru-ru>. – Date of access: 12.05.2024.
10. Murdoch, I. Red and Green / I. Murdoch. – New York : Viking Press, 1965. – 311 p.
11. War-Cries of Irish Septs // Ulster Journal of Archaeology. – 1855. – Vol. 3. – P. 203–212. – URL : <http://www.jstor.org/stable/20608764>. – Date of access : 12.05.2024.

УДК 378.016:821.111'42:070:614

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АУТЕНТИЧНОГО МЕДИАТЕКСТА НА ЗАНЯТИЯХ ПО АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ СО СТУДЕНТАМИ-ФИЛОЛОГАМИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ТЕМЫ «ЗДОРОВЬЕ»

***Зайцева И. П., Шевелева А. В.**
Витебск, Республика Беларусь,
ВГУ имени П.М. Машерова*

Аннотация. В статье на материале научно-популярных аутентичных текстов, опубликованных в британском журнале, который посвящён проблемам здорового образа жизни, выявлены и проанализированы некоторые характерные для этого жанра медиадискурса параметры: лингвостилистические средства и способы оформления прогностического содержания и оценочности. При этом акцент сделан на возможности привлечения текстов подобного характера на занятиях со студентами-филологами.